

РАБОЧЕГО КЛАССА

Пьеса Игнатия Дворецкого «Человек со стороны» вошла сегодня в репертуар более пятидесяти театров. Что принесло ей такой успех? Почему чисто производственные заботы начальника литейного цеха Алексея Чешкова стали интересны и близки тысячам зрителей? Вот как отвечает на эти вопросы начальник цеха Ленинградского оптико-механического объединения Макс Дахиа: «Не надуманный лабиринт трудностей, кочующий из одной так называемой «производственной» пьесы в другую, а выход в сегодняшний и даже завтрашний день — вот в чем сила открыто публицистического произведения «Человек со стороны». Причина победы Алексея Чешкова, успеха пьесы в том, что на стороне «человека со стороны» — правда жизни».

Я встретился с Игнатием Моисеевичем Дворецким в Ленинграде. Это совсем не просто — заставить его дома. Большую часть времени писатель проводит на стройках, в цехах — среди героев своих произведений. Кстати, совсем недавно он вернулся из далекого Норильска. Наш разговор был посвящен той неразрывной связи литературы, искусства с жизнью, которая рождает подлинно современные произведения.

НАВЕРНОЕ, всему виной то, что начинал я как прозаик, как очеркист. Тут ограничить себя четырьмя стенами комнаты просто невозможно. Раз шесть ездил я на Братскую ГЭС. Писал о людях этой стройки, когда она только начиналась, когда возникли первые палаточные города, и потом, когда их сменил город Братск и первый ток Ангары пошел по высоковольтным линиям Сибири.

Я был, что называется, одержим Братском и, наверное, надоел рассказами о нем своим друзьям. Однажды, помню, встретил я романиста и драматурга Александра Борщаговского и рассказал ему историю жизни одного прекрасного человека — Александра Степановича Южакова. Военачальник в отставке, он руководил строительством трассы ЛЭП-500, был начальником строительства правого берега, а когда-то раньше был комсомольским и партийным работником, никогда не державшим в руках ватерпаса, не имел никакого технического образования. Он был великодушным организатором, человеком сильного характера, не боялся брать на себя ответственные решения, он был человеком дела, а не болтовни и поэтому имел право быть руководителем.

— Да это же готовая пьеса, — сказал мне Борщаговский, — садись и пиши.

А на следующий день мне позвонила по телефону завлит Московского театра имени Пушкина Подобедова и с места в карьер начала:

— Вы написали пьесу о Братске — дайте ее нам почитать.

— Никакой пьесы нет, я пишу повесть «Командировка».

— Странно, нам только что звонил Борщаговский и сказал — пьеса есть. Знаете что, все-таки заходите к нам в театр, расскажите о Братске, может быть, это все-таки пьеса...

Так родилась моя первая пьеса «Трасса», и Южаков стал ее героем Чепраковым.

Открытый успехом, я на материале поездок на Братскую ГЭС решил написать еще одну пьесу — она называлась «Взрыв». Ее ставили. Но это была плохая пьеса. Наблюдения были, а конфликтов, характеров не оказа-

лось. Придуманные люди не могли заменить живых. Так мне отомстила самонадеянность.

Может быть, это мой недостаток, но я не могу ничего написать, пока не окунаюсь с головой во все подробности труда и жизни героев, не встречу людей, в чьих судьбах индивидуальное переплелось со всеобщим, типичным для времени.

Так было, когда рождалась пьеса

Игнатий ДВОРЕЦКИЙ:

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИХ ПРОТОТИПЫ

са о рыбаках Байкала «Большое волнение», или о наших десятиклассниках — «Мужчина семнадцати лет».

Неустанно повторяемые слова о связи литературы и искусства с жизнью народа немного стерлись от частого употребления, но в них заключена для меня великая правда, они закон нашего искусства. И я рассказывал вам так подробно о рождении «Трассы» не для того, чтобы восстановить сегодня историю написания пьесы. Мне кажется, что этот пример позволяет обнаружить один и тот же исток для создания самых разных произведений — от очерка до романа. Исток этот — жизнь, биографии людей, которые, соединяясь вместе, складываются в биографию народа.

— Ваша пьеса «Человек со стороны» посвящена производству. Исходя из того, что вы говорили, можно понять, что ее герои также имели конкретные жизненные прототипы.

— Несомненно. Я приехал в свое время на завод, на очень большой завод под Ленинградом, который связан одновременно с машиностроением и металлургией. Я прожил там три месяца безвыездно. Мне дали квартиру, днем можно было ходить по цехам, вечерами принимать людей, бывать в гостях.

В общей сложности я провел на заводе больше года.

И снова еще раз убедился, как нужны прототипы, как важно наблюдать людей конкретных в их обычных, каждодневных производственных условиях, а не вообще знать жизнь. Кстати, режиссерам и актерам это полезно не меньше, чем драматургам. Для глубокого знакомства с жизнью и проблемами заводского коллектива нужно время. Экскурсия тут ничего, кроме поверхностных впечатлений, не дает. До поездки на завод мне казалось, что в какой-то мере знаю проблемы современного производства, я их специально изучал, знакомился со многими документами. Но ощутить влияние этих проблем на судьбы людей, понять, какие они рождают конфликты в коллективе, можно только на месте событий.

С будущим героем моей пьесы, с человеком со стороны — Алексеем Чешковым, я встретился на официальном заседании во Дворце культуры завода. Меня познакомили с маленьким лысоватым человеком

В этого человека я влюбился сразу же и стал за ним ходить. Кстати, он очень быстро ходит. Я спросил: «Почему вы так быстро ходите?». Он ответил: «Мои корпусы расположены на площади десятков гектаров. Медленно нельзя».

Я сначала даже испугался — настолько он суров. Мне показалось странным, что, когда идет по пеху этот маленький человек, он не подходит к рабочим, как другие руководители — подойдут, хлопнут по плечу, спросят: «Как жена? Как дети?». Он этого не умел. На работе надо работать. Выглядеть начальником не надо, надо им быть. И отзывчивость не должна быть показной.

Я мог бы рассказать о нем массу подробностей, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, но он позволял мне быть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему ложь неэкономична, парадность невыгодна, демагогия несовместима с делом, что все поддается счету и

которых жены, дети — руководители производства, интеллигенция. Рабочий человек и ИТР живут сегодня на равных. Вот эту слитность я хотел передать в пьесе. Я ее все время подразумевал.

Если говорить конкретно о Чешкове, он ведь плоть от плоти, кость от кости рабочего человека. Помните, в пьесе, когда его в Тихвине наказали, то перезели из начальников в формовщики. Вернее, он сам предпочел стать рядовым формовщиком вместо того, чтобы работать в плановом отделе, не по специальности. И он говорит, что это лучшее время его жизни, в котором был простор творчеству.

Конечно, Чешков человек в чем-то исключительный, конечно, он поставлен жизнью в условия исключительные. Но он не одиночка, каким его хотят иногда представить. За ним интересы его цеха, интересы рабочих. И поэтому люди один за другим переходят на его сторону.

Естественность поведения Чешкова есть следствие его веры в рабочего человека. Это не нуждается в обсуждении.

Чешков утверждает, что рабочий человек способен сделать все, на что способен инженерная мысль. Но для этого нужна четкая организация производства. Вести борьбу его заставляют три тысячи людей его цеха.

Мне кажется, это впечатление передается зрителям. За год, проведенный на заводе, я видел разные конфликты, меня интересовали те, в которых угадывалась широта и некая обобщенность. Я не называю сейчас этот завод, как и подлинные фамилии прототипов моих героев. Это естественно. Пьеса не документальна. Построенная на «местном материале», она касается проблем общих. Впрочем, может быть, в этом и смысл документалистики — отобрать из явлений жизни те, что представляют собой всеобщий интерес...

Перед уходом Игнатий Моисеевич показал мне обломок породы.

— Я привез его недавно из рудников Норильска. Знаете — в них заключена почти половина металлов таблицы Менделеева.

— Ваша новая пьеса будет о шахтерах Севера?

— О Севере, но не о шахтерах. Она о тех, кого мы чуть иронически называем снабженцами. Но в условиях Севера это целая индустрия снабжения. В Норильске, девять месяцев в году связанным с матерком только самолетами, я это понял особенно ясно. Я был там уже дважды. Поеду еще, к рабочим армии снабжения — к крановщикам, вертолетчикам, строителям порта. И к начальнику, конечно. Потому что, как и в «Человеке со стороны», общественные конфликты удается проявить только тогда, когда пласт жизни берется в разрезе.

Беседу вел Е. СЕМЕНОВ.

анализу, что истинная забота о людях выражается в истинно самозабвенной работе ради людей.

— Уверен, что большинство читателей видели спектакль по вашей пьесе и с напряженным вниманием следили за столкновением начальника цеха и его оппонентов, столкновением деловых и экономических принципов, которые выливались в итоге в человеческие принципы. Но почему, придя на завод, где в коллективе тысячи рабочих, вы избрали именно такой, «начальственный» конфликт? Почему в вашей пьесе среди действующих лиц, по существу, нет рабочего человека? По правде говоря, я понял это лишь потом, после спектакля. А на его протяжении мне казалось, что я смотрю пьесу о жизни рабочего класса.

— Попробуем в этом разобраться. Я пришел на завод с мыслью написать о рабочих. Документы XXIV съезда партии в той части, которой они касаются промышленности, рабочего класса, придали стройность моим прежним жизненным впечатлениям.

Мне кажется порой искусственным деление в литературе на рабочих и ИТР. Сегодняшний инженер — зачастую вчерашний рабочий или сын рабочей семьи. Мне знакомы десятки семей рабочих, у